

в жизнь своей героини — от ночных раздумий старой женщины до ее скитаний по совхозным магазинам в поисках «настоящего кофе», который она должна пить каждый день по совету снохи-врача. Только ее советы, касающиеся здоровья, еще представляют интерес для Сальме. Так, шаг за шагом, все больше выявляется «отчуждение» ее от человеческих связей и интересов, бедность ее духовного мира, съжившегося до горстки кофейных зерен, до кружки кофе, вокруг которой сосредоточиваются все помыслы и усилия Сальме в течение всего дня. Но писатель не обвиняет, а размышляет об этом вместе с читателем. Ведь не сегодня и не вчера складывался характер Сальме — ее мир формировался на протяжении многих лет, обстоятельства жизни ее не способствовали тому, чтобы духовное начало могло развиваться в ней и осветить своим светом ее старость. Да и одна ли Сальме виновата в том, что ее сын, инженер, давно утратил с матерью душевный контакт, ее интересы ему чужды; и когда Сальме приезжает к сыну или когда она пишет письмо, по существу она обращается только к снохе, здесь есть хоть эта ниточка связи — можно поговорить о том, что полезно для ее здоровья... Писатель ставит вопрос: единым ли хлебом жив человек — вопрос о духовной наполненности человеческой жизни. Отвечает на эти вопросы вся современная литература, ведущая бой с бездуховностью, приземленностью существования. Эстонская литература последних лет, как и ряд произведений современной многонациональной прозы, уделяет названным проблемам немалое внимание. В этот ряд произведений вписываются и повести Э. Ветемаа, и роман Л. Промет «Примавера», и романы Э. Бээкман «Шарманка» и «Час равноденствия». Э. Бээкман сформулировала отношение к этому кругу проблем в связи с романом «Шарманка»: «Черствости и равнодушию легко поддаться... Я хочу побудить людей размышлять над такими вещами, над которыми они сами не задумываются. Считаю своей задачей как писателя бороться против равнодушия, бить тревогу против самоуспокоенности. Чтобы быть человеком, надо обладать широким диапазоном чувств». Эта позиция может быть соотнесена с позицией М. Траата в повести «Кофейные зерна» и с точкой зрения латышского прозаика А. Якубана в рассказе «Под этими чудными звездами» («Дружба народов», 1976, № 10). Правда, здесь писатель имеет дело с персонажами, у которых была возможность сделать духовный, нравственный выбор, однако они заняли позицию самодовольного мещанства, пошлого, обывательского эгоизма. Столкновение с этой позицией, на этот раз позицией родителей «взрослого» мальчика, Виктора Пуписа, и без того уже трудно начинающего свою жизнь, драматически сказалось на его судьбе.

Латышская литература последних лет — в романах З. Скуиня «Мужчина во цвете лет», А. Бэла «Следователь» и «Клетка», В. Лама «Кукла и комедиант», «Итог всей жизни» — ставит те же вопросы нравственной ответственности, духовно-эмоционального богатства человеческой жизни. Не всегда отличные производственные качества, высокий профессионализм и заинтересованность в работе могут служить решающим фактором в нравственном самоопределении человека, обеспечивать его духовный запас. Об этом говорит в своем романе «Мужчина во цвете лет» З. Скуинь. Осмысляя этот роман (как и романы В. Лама и А. Бэла, соотносимые с ним), критик И. Дедков пишет: «Человек в романе З. Скуиня, как, впрочем, и в романах В. Лама и А. Бэла, с проблемами техники и службы справляется, но не всегда может справиться с самим собой. Видно, могущественная техника не способна существенно изменить человека, даже наделив его исподволь некоторыми своими достоинствами. Она не может укрепить его дух и принципы или, скажем, разрешить его личные проблемы...» (1976, № 10, с. 243). Конфликтная ситуация романа А. Бэла «Клетка» связана с опасностью потребительства и духовного оскудения. В этой ситуации возникает «диалогическая» структура романов В. Лама. Вместе с тем литература прокладывает и другие пути решения этих проб-